

DOI 10.35775/PSI.2022.81.5.011

УДК 316.334

Н.Н. РАВОЧКИН

*доктор философских наук, доцент,
доцент кафедры истории, философии и социальных наук
Кузбасского государственного технического университета
имени Т.Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий
Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии,
Россия, г. Кемерово*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕАЛИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ (Часть 3)¹

Цифровизация становится одной из сложных детерминант, моделируя варианты постиндустриального транзита современного мира, оказывая влияние на все сферы и области общественной жизни. Современная политика уже не может быть представлена без цифровых сервисов, а государственное управление и борьба за власть претерпели множественные метаморфозы. Преобразования практик политического управления и изменение функционала институтов представляются для национальных правительств не иначе как витальными, поскольку именно релевантность актуальным вызовам позволяет рассчитывать на эволюционные сценарии развития, ремоделирование политических практик и деятельности властных структур. В третьей части исследования резюмируются особенности цифровизации политической сферы в Европе. Автор рассматривает опыт Китая по использованию информационно-коммуникативных технологий в политической деятельности. Подчеркиваются высокая роль государственного регулирования Интернета и значимость цензуры хоть сколько-нибудь относящей к властным практикам информации. Выявлены отличительные особенности китайского пути цифровизации политики. В заключение приведены основные результаты и намечены траектории будущих исследований по цифровизации политической сферы в мировых регионах.

Ключевые слова: *политическое управление, власть, цифровизация, общество, взаимодействия, политическое участие, гражданское общество.*

¹ Трансформация практик политического управления в реалиях цифровизации (часть 2) опубликована в журнале «Вопросы политологии». 2022. Т. 12. № 4 (80). С. 1132-1140.

Отличительными следствиями после внедрения новых практик взаимодействий между властью и остальными группами населения следует называть такую тенденцию, как размывание среднего класса. Общеизвестно, что в государствах Европы именно данная общность традиционно выступала основой государственности, институционального строительства и формирования демократических процедур. Как отражают события последних лет в Великобритании, Германии и других европейских странах, сегодня средний класс все чаще тяготеет к популизму. В частности, результаты проведенного во Франции опроса отражают тот факт, что в 2015 году 67% опрошенных доверили бы управление государством невыборным экспертам, а еще 40% вовсе поддерживают авторитарные политические режимы и свободу от ментальных конструктов демократической направленности. Данные опроса, проведенного в Великобритании в 2011-2015 гг., отражают, что половина взрослых людей имеет «популистское» или «авторитарное» видение мира. В Германии, согласно данным опроса, 50% респондентов скептически воспринимают демократические процедуры и институты [7. Р. 22-24]. Приведенные данные наглядно отображают снижение популярности и негативизацию восприятия демократии как таковой, но демонстрируют усиление идей радикализма.

Развитие мы-медиа и социальных сетей, в которых контент создается непосредственно пользователями, сопровождается порождением и мгновенным распространением слухов, что, в свою очередь, обеспечивает рост самоорганизации и выход людей на улицы. В частности, новой формой протестной политической активности становятся антиправительственные митинги и собрания. Впервые указанная форма протестной активности была описана Дж. Стиглицем [11], а сегодня она в том или ином варианте может быть зафиксирована в большинстве мировых стран, что позволяет нам говорить о беспрецедентном повышении влияния данного инструмента на принятие социально значимых решений. Говоря в целом насчет снижения привлекательности демократических идей и практик, можно сделать вывод, что цифровизация, объективировавшая новые проявления и формы коммуникации, в определенной степени умножает риски обострения политических конфликтов и революций, о чем свидетельствуют многочисленные события последних десятилетий [3; 5].

Интернет, обеспечивающий скорость и свободу распространения информации, а также анонимность пользователей, наряду с преимуществами влечет за собой угрозы расшатывания устоявшихся порядков. Поскольку именно цифровизация переформатировала формы взаимодействий власти с гражданами, что все чаще отражает рост недовольства граждан действиями элит, проверяет на прочность демократические нормы, закономерным образом приводя к формированию запросов на усиление национальных властей и трансформацию наличных социальных практик. Дигитализация

политической сферы, проводимая властными акторами в странах Европы, происходит в условиях отсутствия цифрового суверенитета, да еще при сохраняющейся зависимости в техническом аспекте от Китая, а в программном – от США. Такое положение дел затрудняет процессы цифровизации взаимодействия между властными структурами и обществом. В качестве проблемных аспектов, тормозящих интересующее нас направление цифровизации, можно назвать (1) относительно низкую инвестиционную привлекательность региона (в сравнении с США и Китаем), (2) недостаточный уровень компетентности самих политиков и граждан, а также (3) неравномерное технологическое развитие не только между отдельными странами ЕС, но на протяженности одного национального государства. Достижение преимуществ цифровизации всегда сопряжено с вызовами (возможности, риски, угрозы), обусловленными главным образом дистрибуцией деструктивных социальных идей. При этом на сегодняшний день цифровизация властных практик в Европе актуализирует все формы политического участия, которые были показаны нами ранее [3; 5; 9].

Наконец, обратимся к анализу особенностей трансформаций властных практик под влияние цифровизации в Китае. В настоящее время КНР является одним из ведущих игроков, причем его лидирующее положение во многом детерминировано непосредственным активным участием в развитии цифровых платформ и создании технических онлайн гигантов, доминирование которых вызывают определенные опасения у остальных участников современной системы международных отношений. Цифровизация политики и властных структур в Китае кардинально отличается от той программы, что принята в ЕС. Главной особенностью китайского интернета является то, что маршруты онлайн-доступа принадлежат правительству, в результате чего в Китае создается общенациональное интернет-пространство. Мелкие провайдеры, не имеющие доступа к общенациональной сети, не в состоянии выдержать конкуренцию с более крупными агентами и поставщиками, самоочевидным следствием чего становится снижение конкурентности на рынке интернет-услуг, а также недостаточный охват населения интернетом. На 2020 год в стране 70,64% населения являлись активными пользователями [12], указанный показатель ниже данных США, Европы, России, но подчеркнем, что численность активных пользователей в КНР ежегодно увеличивается, стало быть неуклонно сокращается разрыв в численности пользователей с другими странами.

В дополнение следует сказать, что в Китае находится крупнейший розничный рынок электронной коммерции, на долю которого приходится 40% мировых продаж. «Цифровой шелковый путь» является составляющей инициативы «Один пояс, один путь», направлен на развитие глобальной цифровой торговли, дальнейшее укрепление технологической мощи, влияния Китая. Ежедневно 1 миллиард активных пользователей сервиса WeChat

обмениваются в среднем 45 миллиардами сообщений. Большое значение принадлежит также постоянно обновляемым сервисам мобильной оплаты, которые благодаря усилиям специалистов на разработке приложений получили такую популярность, что «даже нищие принимают милостыню через QR-коды» [6]. Наконец, именно Китай создал первую в мире официальную цифровую валюту, а также создал платформы для кибер-судов. Комплексное воздействие перечисленных факторов и привело к тому, что передовые технологии на манер права пронизывают собой все сферы общественной жизни, а сегодняшний Китай имеет достаточно развитую институциональную сеть цифровых представительств властных структур.

Массовое внедрение цифровых технологий рассматривается китайским правительством в качестве одной из приоритетных национальных задач. Еще раз отметим, что это внедрение подконтрольно государству и происходит согласно логике официально закрепленного «суверенитета данных», т.е. защиты сведений от иностранных компаний и зарубежных игроков, предполагая, что вся «цифра» должна подчиняться законам и правилам той страны, где они генерируются и обрабатываются [6]. Для этого разработан целый ряд нормативных актов, законов, направленных на обеспечение сохранности данных и регламентирование правил их обработки. Однако на многие дефиниции из указанных документов все еще остаются расплывчатыми и неоднозначными, что существенно противоречит предъявляемым к юридической терминологии требованиям. Например, категория «важные данные» предполагает беспрепятственный доступ к ним со стороны государства, но отсутствие строгого определения позволяет читателю интерпретировать их как абсолютно любые данные, зависящие от прихоти властей [8].

Итак, трансформации властных структур и практик в Китае происходят под сильным влиянием государства, что, конечно же, позволяет критикам говорить о так называемом «цифровом тоталитаризме» – он представляет «тотальный цифровой контроль с помощью видеокамер, гаджетов, цифровых приложений, программ искусственного интеллекта за поведением и действиями человека для дальнейшего выстраивания его рейтинга в обществе» [1. С. 13]. Китайское правительство действительно использует информацию о каждом гражданине в процессе принятия таких повседневных решений, касающихся, к примеру одобрения кредитов, выдачи виз или же вовсе предоставления работы [10. Р. 136]. Но в то же время весь контроль за сохранением и обработкой данных возложен исключительно на плечи государства и его структур.

Пожалуй, следует отметить, что именно обозначенный «цифровой тоталитаризм» становится тем камнем преткновения для исследований, посвященных влиянию цифровизации на трансформации властных практик в Китае. Показательным в этом плане будет кейс от 2020 года, когда китайские власти оштрафовали спортзал, который незаконно собирал данные

о пользователях. Следовательно, заниматься сбором информации о населении кроме государства никто не вправе, поскольку именно суперинститут имеет наиболее широкий доступ к данным о населении, тогда как другим акторам он запрещен [6]. Технологические компании, в той или иной форме осуществляющие сбор данных, неизбежно сталкиваются с проблемой обеспечения гарантий неразглашения личных данных, а для успеха на мировых рынках они должны сигнализировать о своей независимости от правительства. Учитывая оформившиеся в Китае политико-правовые практики по рассматриваемой проблеме, достижение полной независимости от правительственных структур выглядит не просто достаточно проблематичным, но, по нашему мнению, представляет собой некий недостижимый идеал, поскольку сами китайские НИ-ТЕСН компании проявляют излишнее недоверие по поводу разглашения данных иностранных граждан национальным властным акторам и правительству [6]. В результате выдвижения противоречивых интересов со стороны китайского правительства и международных рынков китайские компании сталкиваются с дилеммой, когда они вынуждены выбирать между тесными связями с правительством, что позволяет снижать внутренние политические риски, но при этом одновременно повышает риски неудач на международной арене.

Стало понятно, что цифровизация взаимодействий между органами власти в Китае и обществом существенно отличается и от европейской, и от американской форм: создание развитой инфраструктуры сетевых платформ в большей степени сосредоточено на защите национальной безопасности, на собственном «цифровом суверенитете», чем на конфиденциальности граждан. Создание цифровых платформ в стране, тяготеющей к автократизму, в отличие от европейских стран, может служить целям усиления контроля государства за поведением собственных граждан в сети вплоть до цифровой слежки, поскольку именно такие режимы зачастую сталкиваются с информационной проблемой, не зная истинных настроений населения из-за фальсификации предпочтений [2; 4; 5]. Таким образом, в отличие от Европы и США, детерминационное воздействие цифровизации на властные институты в китайском обществе направлено на сохранение национального цифрового суверенитета, усиление роли и значения государства в современной мир-системе [3; 4]. Невозможно представить, что такие формы политической активности, как антиправительственные митинги, связанные с распространением информации в «мы-медиа», вообще будут хоть как-то воплощаться на практике, а не пресекаться со стороны правительства. Более того, в условиях зависимости провайдеров от государства первые будут всеми силами стремиться минимизировать риски дистрибуции хоть какой-либо релевантной протестам информации. Примечательно, что Китай неоднократно подвергался обвинениям по поводу того, что правящая коммунистическая партия подвергает цензуре политический контент,

связанный, например, с протестами в Гонконге, Тайване или же на Тибете. Более того, в наблюдаемых условиях усиления государственного контроля за цифровизацией отдельные социальные сети, платформы и сообщества солидарны в выборе стратегий запрета размещения информации, вообще так или иначе связанной с политикой. В частности, TikTok осознанно пошел на ограничение собственной прибыли, запретив на своей платформе абсолютно любую платную политическую рекламу [6].

При всем этом правительство Китая активно использует любые формы взаимодействия с гражданами, включая официальные страницы органов власти, интерактивное взаимодействие ведомств в социальных сетях, создание различных общественных объединений. Китайский опыт цифровизации политики амбивалентен в плане оценок. С одной стороны, сформировалась развитая институциональная сеть цифровых площадок, которые направлены на оптимизацию взаимодействия, с другой – национальной правительство неоднократно подвергалось критике за строительство «цифрового концлагеря», в пространстве которого любые данные, размещенные в сети, становятся доступны органам власти, учитывающим их при оказании государственных услуг. Цифровые платформы и сервисы отказываются от освещения политических тем либо прибегают к рецензированию контента, нивелируя проблемные аспекты. В то же время, цифровизация в КНР существенно упростила жизнь населения, а произошедшие метаморфозы даже привели к стабилизации порядка и способствовали повышению благосостояния потребителей [2; 6].

Обобщив результаты проведенного исследования, можно сделать ряд значимых выводов:

1) Цифровизация представляет собой процесс информатизации различных аспектов жизнедеятельности общества, в том числе – политики, функционирования властных институтов и органов. Данный процесс приобрел глобальный характер, приводя как к положительным, так и к негативным результатам. К позитивным следствиям дигитализации можно отнести повышение интерактивности во взаимодействиях между властными структурами и обществом, повышение информированности граждан о принятии государственных решений, формирование гражданских инициатив и объединений и практики со-управления обществом. Среди негативных проявлений цифровизации необходимо назвать обезличивание человека, расшатывание традиционных демократических институтов и процедур. Анонимность интернет-сообществ также влечет за собой усиление рисков радикализации и дистрибуцию радикальных интеллектуальных конструкций. Благодаря передовым технологиям появляются новые формы политической активности, а реальная политика все чаще сливается с виртуальной, более того, первая начинает зависеть от функционирования интернет-платформ.

2) Анализ особенностей цифровизации властных практик стран ЕС позволяет сделать вывод о нелинейном характере указанного процесса: успешность создания и функционирования электронных платформ существенно отличается не только в различных странах Евросоюза, но и в различных областях национальных государств. В качестве отличительных характеристик процесса дигитализации следует назвать сохраняющуюся зависимость от зарубежных компаний, прежде всего, от Китая и США, отсутствие цифрового суверенитета, что существенно ограничивает возможности для быстрой и успешной цифровизации, создания эффективных инструментов для взаимодействия между властными институтами и обществом. В то же время Европа нацелена на максимально полное обеспечение прав и свобод граждан в сети, в результате чего последним доступны любые формы политической активности. В последнее десятилетие одной из наиболее значимых форм взаимодействия между обществом и властью стали антиправительственные митинги, в организации которых важнейшее место отводится мультимедиа и цифровым платформам.

3) Особенности цифровизации политической сферы Китая кардинально отличаются от европейских: государство изначально ставило одной из целей развития цифровых платформ, сервисов обеспечение национального суверенитета, дальнейшее усиление позиций КНР в мире. На сегодняшний день в стране существует развитая сеть цифровых платформ, которые вошли в жизнь граждан. Но при этом развитие сервисов осуществляется под контролем государства, следствием чего выступает сознательный запрет отдельными компаниями контента политической тематики, редактирование контента, так или иначе связанного с политическими процессами, событиями. Разумеется, в Китае существуют цифровые площадки политического содержания, виртуальные тематические объединения, но информация, которая может привести к дестабилизации ситуации в стране, вряд ли будет беспрепятственно распространяться в государстве, при этом само правительство ориентируется на достижение национальной безопасности, но в ущерб защите данных отдельной личности.

Разумеется, все особенности цифровизации политики не ограничиваются выявленными, а исследования в данном направлении будут продолжены. В частности, представляется целесообразным изучить особенности дигитализации в различных странах ЕС, выявить факторы, которые обуславливают успешность внедрения цифровых площадок и сервисов в одной стране, но не оказывают позитивного влияния в других государствах. Наконец, лучшему пониманию специфики влияния цифровизации на трансформации властных институтов представляется возможным при проведении компаративистского анализа между отдельными структурами конкретных стран и регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Баранов Н.А. Политическая онлайн-мобилизация в условиях «цифрового паноптикума» // Политика развития в условиях цифровизации общества. 2020.
2. Попова Е.А., Ночевка А.А. Цифровые трансформации политического управления: развитие онлайн-сервисов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4.
3. Равочкин Н.Н., Гилязов Р.Ш., Кузнецов Н.В., Петров М.А. Трансформация содержания социальных идей под влиянием цифровизации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 4 (32).
4. Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. 2018. № 5.
5. Bartlett J. The People vs Tech. How the internet is killing democracy (and how we save it). London: Ebury Press, 2018.
6. Liu L. The Rise of Data Politics: Digital China and the World // Studies in Comparative International Development. 2021. № 56 (6415).
7. Nocetti J. Europe Facing the Digitization of Work: The Political Risks. Études de l'Ifri. 2018.
8. Nussipov A. How China Governs Data // <https://medium.com/center-for-media-data-and-society/how-china-governs-data-ff71139b68d2>.
9. Odag Ö., Leiser A., Boehnke K. Reviewing the role of the Internet in radicalization processes // Journal for deradicalization. 2019. № 21.
10. Royakkers L., Timmer J., Kool L., van Est R. Societal and ethical issues of digitization // Ethics and Information Technology. 2017. Vol. 20. № 2.
11. Stiglitz J.E. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. W.W. Norton & Company; Reprint edition, 2013.
12. The World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=CN-RU-US>.

N.N. RAVOCHKIN

*Dr. in Philosophy, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Pedagogical Technologies
Kuzbass State Agricultural Academy;
Associate Professor at the Department of
History, Philosophy and Social Sciences
Kuzbass State Technical University
named after T.F. Gorbachev,
Kemerovo, Russia*

POLITICAL MANAGEMENT PRACTICES TRANSFORMATION IN DIGITALIZATION REALITIES (Part 3)

Digitalization is becoming one of the complex determinants, modeling options for the post-industrial transit of the modern world, influencing all spheres and areas of public life. Modern politics can no longer be represented, without digital services, and public administration and the struggle for power have undergone multiple metamorphoses. Transformation of political management practices and changes in the functionality of institutions seem to be vital for national governments, since it is the relevance to current challenges that allows us to rely on evolutionary development scenarios, remodeling of political practices and activities of the authorities. The third part of the study summarizes the features of the digitalization of the political sphere in Europe. The author examines China's experience in the use of information and communication technologies in political activities. The high role of state regulation of the Internet and the importance of censorship of any information related to government practices are emphasized. The distinctive features of the Chinese way of digitalization of politics are revealed. In conclusion, the main results are presented and the trajectories of future research on the digitalization of the political sphere in the world regions are outlined.

Key words: *political management, power, digitalization, society, interactions, political participation, civil society.*